АКАДЕМИЯ НАУК СССР. ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

М. СМИТ

Член-корреспондент Академии наук СССР

ЧТО ОБЕЩАЛ И ЧТО ДАЛ ГЕРМАНСКИЙ ФАШИЗМ ТРУДЯЩИМСЯ МАССАМ

ОГИЗ • ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1941

Редактор *Т. Каневская*

Подписано в печать 6/X 1941 г. 2 п. л.
А 43947. Заказ № 722. Цена 25 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига», Москва, Краснопролетарская, 16.

Германская реакция стала готовиться к захвату власти уже вскоре после окончания войны 1914—1918 гг., проигранной Германией. Это были тяжелые годы для германского народа. Германские реакционеры самым циничным образом использовали тяжелое положение германского народа для того, чтобы уничтожить демократический строй и установить режим фашистской диктатуры. Речь тут шла не просто о замене одного правительства другим, как это часто бывает в буржуазных странах, а об уничтожении буржуазно-демократических свобод. На Западе демократическое правление существовало в ряде стран еще со времен свержения феодализма, т. е. господства дворян, как это имело место, например, полтораста лет тому назад, в эпоху французской буржуазной революции.

В самой Германии процесс свержения феодализма не принял такой решительной революционной формы и растянулся на довольно длительный период. Монархия существовала там до 1918 г., хотя во второй половине XIX века она вынуждена была ввести ряд буржуазно-демократических мероприятий. К началу XX века в Германии имелось всеобщее избирательное право. Конечно, рабочие могли на деле пользоваться им лишь с известными ограничениями, но все же там, где у них были сильные партии, они проводили своих представителей в парламенты. И в Германии до прихода Гитлера к власти и во Франции вплоть до конца 1939 г. коммунистические партии имели в парламентах очень сильные группы. Самые партии были легальными и имели свою печать—журналы, газеты. Рабочие могли иметь профсоюзы, вести стачки и т. п. Словом, налицо были еще буржуазно-демократические свободы. Фашисты уничтожили их. Пробираясь к власти, фашисты пользовались самой отвратительной демагогией, играя на собственнических инстинктах мелкобуржуазных масс, обещая им «сильную власть», которая сможет вывести Германию из тупика. Использовали фашисты и борьбу в рядах буржуазных партий и отсутствие единства в рабочем движении.

БИБЛИОТЕКА Академии Наук

Гитлер стал главой правительства в январе 1933 г., а в конце февраля фашисты подожгли здание германского парламента, обвинив в этом поджоге коммунистическую партию, и через несколько дней арестовали ее славного вождя т. Тельмана. Но все же на выборах в парламент 5 марта 1933 г. почти 5 млн. голосов было подано за кандидатов коммунистической партии. Их голоса фашисты попросту аннулировали и объявили коммунистическую партию вне закона. Затем была ликвидирована и социал-демократическая партия, несмотря на все ее заигрывания и уступки фашистам, и ее представители были исключены из парламента. Далее был издан закон, провозгласивший национал-социалистскую, т. е. фашистскую, партию единственной политической партией в стране. Все остальные буржуазные партии были распущены или «сами» себя распустили.

Так воцарилась в Германии фашистская диктатура, и фашистские молодчики немедленно принялись за дело. Их «делом» было создание палаческого режима рабства, кнута и человеконенавистничества в Германии и подготовка к захвату и подчинению других стран, в особенности стран, которые богаты сырьем, топливом и продовольствием.

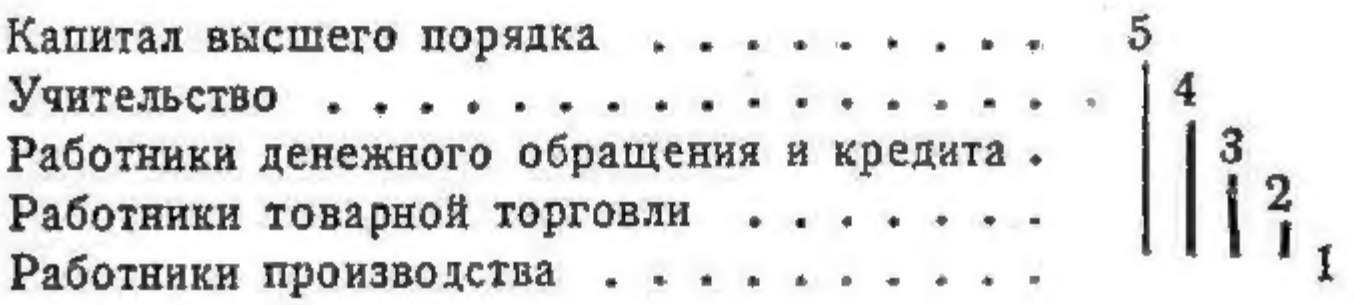
Пока Гитлер еще только пробирался к власти, фашистские вожди и «теоретики» изобрели широковещательную и хвастливую программу социальной демагогии с целью обмана широких масс. Программа обращалась к различным слоям трудящихся с нелепыми, фальшивыми и хвастливыми обещаниями, пытаясь уверить трудящихся Германии, что Гитлер будто бы делает их дело, а не дело своих подлинных хозяев—германских империалистов.

Кровожадная ярость германских фашистов обрушилась прежде всего на рабочих. Рабочий класс, этот, по бессмертному выражению Маркса, «могильщик капитализма», зачинщик и вождь всякого подлинно прогрессивного движения, не может не быть объектом дикой ненависти фашистов. Для начала они выступили с «теориями» и законами, которые нагло кричали об уничтожении классовой борьбы и примирении классов, а по сути дела вводили неслыханное еще закабаление рабочих. От итальянских фашистов они получили в пользование готовую теорию «корпоративного государства», которую и пустили в ход со всякими поправками и добавлениями. Что проповедует эта теория? Классовый мир и объединение всех имеющих отношение к данной отрасли хозяйства, т. е. и рабочих и хозяев, в одну общую «корпорацию». До сих пор были, мол, классы и классовая борьба, а теперь будут только корпорации или «производственные сословия». Из суммы таких корпораций и слагается государство. Во главе каждой корпорации и каждой производственной единицы стоят вожди-собственники, а во главе всего государства верховные вожди, объединяющие все корпорации. В таком корпоративном государстве интересы отдельных людей подчинены интересам «целого», а интересы

этого «целого», т. е. банды фашистских эксплоататоров, осуществляются через так называемую «социальную политику». Последняя заботится якобы не об отдельных классах, а о «хозяйстве в целом». Нужно поэтому прекратить всякие разговоры об эксплоатации одного класса другим. «Хозяйство в целом» нужно «освободить» от обязанности посредничества между капиталистом и рабочими. А заработную плату и цены надо рассматривать не с точки зрения рабочих, а с точки зрения всего народного хозяйства и даже его места в мировом хозяйстве. Отсюда вывод: надо сокращать заработную плату ради «восстановления и жизнедеятельности ряда отраслей промышленности».

Мало того, в интересах «социального целого» нужны и мероприятия по «организации рынка», фиксации цен и сокращения потребления. Иначе говоря, снижайте зарплату и потребление рабочих и устанавливайте выгодные для капиталистических монополий цены и условия сбыта. И забудьте при этом о классовой борьбе. Все вы члены единой корпорации, единого целого и пр. и пр.

Незадолго до прихода фашистов к власти венский профессор Оттмар Шпанн в своей статье, посвященной «учению о ценности»[1], говорил о разной ценности человеческих услуг. Ценность их весьма различна, ибо сами эти услуги могут быть «высшего и низшего порядка». Например, услуги изобретателя, инженера и рабочего весьма различны. Изобретатель направляет руку инженера, инженер—руку рабочего. Следовательно, в труде рабочего повторяется труд инженера, в труде инженера—и труд рабочего и труд изобретателя; последний работает, стало быть, трижды. А от инженера и изобретателя Шпанн переходит к капиталу и заявляет, что в основе всей хозяйственной деятельности лежит «капитал высшего порядка»; его услуги имеют наивысшую ценность, оцениваемую в 5 единиц, ибо согласно его схеме она повторяется в 5 категориях. Дальше идет учительство (автор включает сюда и всякого рода пропагандистов), услуги которого оцениваются в 4 единицы, ибо они повторяются в 4 категориях. Дальше идут работники денежного обращения и кредита, услуги которых оцениваются 3 единицами; за ними поставлены работники «товарной торговли», услуги которых оценены в 2 единицы. На последнем месте стоят услуги работников производства, оцениваемые в 1 единицу. Вся схема имеет такой вид:



[1] Напечатана в немецком «Ежегоднике политэкономии и статистики», 3-я серия, т. LXXV.

Итак, все должны быть членами единой корпорации, но в этой корпорации самым полезным и нужным является «капитал высшего порядка». Фашисты арестовали Шпанна при захвате Австрии, но теорией его воспользовались: долой классовую борьбу, пусть рабочий не забывает интересов «хозяйственного целого» и в особенности «капитала высшего порядка». В другой своей работе Шпанн настойчиво рекомендует рабочим помнить, что только «вчленение» их в корпорации спасет их от безработицы. Вместо «политики заработной платы» он предлагает создать такую универсалистскую науку, которая сможет решить проблему «вчленения» каждого рабочего, каждого трудящегося в ту или иную корпорацию. Если дать рабочему его корпорацию, то рабочий вопрос будет разрешен. Но если вместо такого решения проблемы, т. е. включения каждого человека в соответствующую корпорацию, будет осуществлена конфискация прибавочной стоимости, то предприниматели станут жертвами коммунистов, а рабочим все-таки лучше не станет.

Мы не можем вернуть средние века, вздыхают фашисты, но некоторые основные положения средних веков мы можем все же применить в форме, соответствующей нашему времени. Тут начинается своеобразный панегирик средним векам, когда каждый человек был «вчленен» в свой цех, а вся деятельность его была строго регламентирована.

Таковы «теории» фашистов и их подголосков. Посмотрим теперь, как они применялись на практике. Прежде всего был издан закон «Об организации национального труда»[1], раздел I которого называется «Вождь предприятия и совет доверенных». Как уже было отмечено, «вождем» предприятия является его собственник, именуемый в законе «предпринимателем». Рабочие и служащие «обязаны ему верностью, вытекающей из общности труда» (§ 2). «Вождь» же решает самолично вопросы зарплаты, рабочего дня, увольнения и приема рабочих и т. д. При «вожде» состоит «совет доверенных», список их составляет «вождь» по согласованию с местной фашистской организацией. Если соглашение между вождем и этой организацией достигнуто, то по букве закона проводится комедия голосования, в противном случае вопрос решает «уполномоченный по труду», т. е. особый государственный чиновник, назначаемый фашистским министром труда, который должен «заботиться о соблюдении мира на предприятиях» (раздел II, § 19).

Так построена эта адская машина фашистского управления, в которой рабочие сжаты тройными тисками: волей собственника, бесчинством местных фашистов и на случай каких-либо трений властью фашистского чиновника, назначенного сверху. Но это еще далеко не все. Введение закона о труде означает

---

[1] Опубликован 20 января 1934 г., вошел в силу 5 мая 1934 г. Выдержки из этого и других законов цитируются по сборнику «Плановые» маневры в капиталистических странах», Соцэкгиз, 1936 г.

отмену двух законов, вырванных немецкими рабочими у своей буржуазии в эпоху германской ноябрьской революции 1918 г.: закона о фабрично-заводских комитетах и закона о тарифных договорах. При всей ограниченности этих двух законов они давали возможность организации борьбы против собственников и организации масс в процессе этой борьбы. Но фашисты «отвергают» классовую борьбу, и фабрично-заводские комитеты они заменили «советом уполномоченных» при «вожде».

Далее, на основании того же закона были ликвидированы и профессиональные союзы рабочих и служащих. Они были объявлены «антигосударственными» организациями, и имущество их, составленное из взносов рабочих, было конфисковано. Вместо них был организован так называемый «трудовой фронт»— фашистская политическая организация, пытающаяся наложить свою грязную, кровавую руку не только на активность рабочих, но и на их сознание.

Рабочие, насильственно втянутые в «трудовой фронт», вынуждены платить туда взносы. Суммы же, составляющиеся из этих взносов, находятся в бесконтрольном распоряжении фашистских заправил. Так, в «Правде» от 2 июля 1941 г. в заметке, озаглавленной «Как фашистские главари грабят германский народ», читаем:

«Лей в момент прихода к власти национал-социализма обладал скромным достатком. Неделя грабежа и террора, устроенная фашистами после поджога рейхстага, была использована им для ограбления рабочих кооперативов и фондов социального страхования. Лей награбил много миллионов. В расходовании огромных поступающих в его распоряжение как руководителя «трудового фронта» сумм Лей тоже не обязан отчитываться».

Факты, сообщенные в этой заметке, самым наглядным образом показывают, что такое «трудовой фронт» и его «вождь»— кровавый фашистский пес Лей.

Придя к власти, фашисты много кричали о ликвидации безработицы и издали даже несколько законов, которые они рекламировали как «мероприятия по снижению безработицы». К чему же сводятся на деле эти законы? Основное в них—это принудительный труд. Под разными предлогами и под лозунгом «создания работы» был проведен ряд мероприятий: 1) по организации «лагерей трудовой повинности» для проведения ряда военно-стратегических работ, 2) по снабжению помещиков и кулаков дешевой рабочей силой, работающей, согласно закону, в принудительном порядке, 3) по принудительному удалению безработных из городов и крупных центров.

Так, закон «О регулировании найма рабочей силы» от 15 мая 1934 г. запрещал приток ищущих работы в Берлин, Бремен и т. д. и предписывал не принимать на работу в промышленные предприятия лиц, не имевших постоянного местожи-

тельства в определенной местности до определенного срока. Запрещался прием на работу в ряде отраслей промышленности рабочих, проработавших в течение 3 лет в сельском хозяйстве. Если принять во внимание, что эти 3 года охватывали самые страшные годы кризиса 1929—1933 гг., когда свыше 50% всех германских рабочих было без работы, то станет понятным, что немало рабочих бродяжили в это время по деревням Германии, ища себе хоть временной работы. Таким образом, большое количество рабочих было отрезано от промышленных центров. В том же 1934 г. был издан указ, касающийся всех рабочих моложе 25 лет. Указ предусматривал отправление их на работу в деревню, на работе же в городе они могли быть оставлены лишь с разрешения бюро труда. Как правило, молодежь направлялась в трудлагери.

Так устранялись «по закону» безработные из промышленных центров. Все передовые и революционные рабочие без всякого закона увольнялись и арестовывались. Все такие безработные снимались с учета бирж труда, как «имеющие занятие», и, пользуясь этим, лживая фашистская статистика бесстыдно объявляла о ликвидации безработицы.

Война, начавшаяся в 1939 г., изменила во многом положение, ибо напряженная работа военной промышленности потребовала огромного количества рабочих рук, в особенности квалифицированных рабочих, а мобилизация гнала их на фронт. В этих условиях к прежнему постановлению о «трудовой повинности» прибавилось новое—о «принудительном труде»[1].

Согласно этому постановлению, относящемуся и к женщинам от 18 до 50 лет (незамужним и замужним, но бездетным), рабочего или работницу можно направить в принудительном порядке на любую работу, независимо от специальности. Таким же путем на принудительные работы направляются и лица, демобилизованные из армии по возрасту или увечью. По данным английского журнала «Экономист» от 2/XI 1940 г., к осени 1940 г. число таких принудительно работающих составляло уже 1,75 млн. человек, не считая демобилизованных.

По данным того же журнала[2], к началу войны число всех занятых рабочих составляло в Германии, включая Австрию, Чехо-Словакию и другие страны, на которые Германия успела наложить свою лапу еще до войны, 24,66 млн. (из них 8,13 млн. составляли женщины). Война и мобилизация уменьшили это количество приблизительно на 10 млн. человек. Недостающие кадры широко пополнялись иностранными рабочими из покоренных стран. По данным немецкого журнала «Хозяйство и статистика» (№ 5, 1941 г.), в течение зимы 1940/41 г. в сельском хозяйстве Германии работало иностранцев:

---

[1] «Экономист» от 2/XI 1940 г.
[2] Там же.

Поляков, рекрутированных из гражданского населения после покорения Польши	469 000
Рабочих других национальностей	93 000
В том числе:	
Итальянцев	47 000
Словаков	32 000
Югославцев	4 400
Голландцев	4 650
Венгерцев	2 500
Фламандцев, поляков, словаков и т. д., прежде живших в Бельгии и во Франции	2 000
Военнопленных из западных стран и из Польши	650 000
Свободных рабочих, первоначально польских военнопленных (приблизительно)	180 000
Итого ...	1 392 000 человек

В промышленных предприятиях Германии, согласно данным того же номера журнала «Хозяйство и статистика», в течение зимы 1940/41 г. работало 670 тыс. иностранцев. Журнал называет их рабочими, «рекрутированными из гражданского населения». К ним добавлены еще 150 тыс. из протектората Богемии и Моравии, итого 820 тыс. Вместе с сельскохозяйственными рабочими-иностранцами это составляет 2,21 млн. человек.

Итак, в 1939/40 г. имелось уже 1,75 млн. принудительно работающих немцев, а в 1940/41 г. к ним прибавилось 2,21 млн. принудительно работающих иностранцев. Обе цифры вне всякого сомнения сильно приуменьшены. Если предположить, что число принудительно работающих немцев не увеличилось в 1940/41 г., а оно, конечно, должно было увеличиться как за счет демобилизованных по увечью и возрасту, так и за счет военного расширения контингентов принудительного труда, то и в этом случае общая сумма принудительно работающих составляет почти 4 млн. человек. На деле она, конечно, не менее 5—6 млн.

Эта армия принудительного труда не может не влиять на заработную плату остальных рабочих, если вообще можно еще говорить о рабочих, работающих не в порядке принудительного труда в современной Германии! Налицо ужасающее падение реальной заработной платы и огромный рост нормы эксплоатации. Но фашистская статистика позаботилась о том, чтобы даже косвенные улики этих преступлений не смущали покой «вождей». Статистика зарплаты за последние годы почти совершенно отсутствует—изредка даются лишь индексы движения зарплаты—цифры весьма благополучные и насквозь лживые. Особенно лживыми являются цифры о росте дороговизны или об изменении так называемого «индекса стоимости жизни». Этот индекс составляется лишь на основе цен на нормированные продукты, выдающиеся в совершенно ничтожных количествах. Чтобы поддержать хоть как-нибудь свое существование,

люди вынуждены покупать и ненормированные продукты. Но, как отмечает обозреватель английского «Экономиста» (от 20/IV 1940 г.), «значительный рост цен на целый ряд «свободных» продуктов таким образом не учитывается». В частности к таким «свободным» продуктам относится такой важный продукт питания, как молоко, отпускаемое к тому же, как мы увидим дальше, по ценам молочных синдикатов.

Но это далеко не все. При отсутствии профсоюзов и наличии закона, дающего право собственнику предприятия решать вопрос об условиях труда, рабочий день достигает 14—16 часов, а интенсификация труда самых диких размеров. Мало того, увеличение заработной платы по мере роста стоимости жизни «запрещено» постановлениями фашистов. Сильный рост стоимости жизни упорно скрывается фашистской статистикой, публикующей лишь фальсифицированные цифры о небольшом подъеме цен.

Медленное движение вверх индекса оптовых цен объясняется, как отмечает автор статьи в «Экономисте», главным образом раздачей субсидий предпринимателям, с одной стороны, и соответствующими налогами на всех граждан—с другой. Этим путем маскируется также, как утверждает автор, рост цен, вызванный заменой естественных продуктов синтетическими.

За два года до начала англо-германской войны Комитет освобождения т. Тельмана, организованный в Париже группой антифашистов, опубликовал в «Большевистских тетрадях»—теоретическом органе коммунистической партии Франции (апрель 1937 г.), статью, разоблачающую гнусное гитлеровское вранье об «улучшении» положения рабочих Германии. В этой статье перечисляются следующие налоги и поборы, которыми облагают рабочих фашистские эксплоататоры:

I. *Обязательные прямые налоги*

1. Подоходный налог
2. Городской »
3. Церковный »
4. Взносы в больничную кассу
5. Взносы по страхованию от безработицы
6. » » » инвалидности

II. *Так называемые «добровольные» налоги*

1. Взносы в «фронт труда»
2. Взносы в кассу вспомоществования национал-социалистской партии
3. » в пользу национал-социалистской партии
4. » в пользу секции той же партии
5. » в фонд защиты от воздушных нападений

III. *Косвенное обложение*

1. Обязательная подписка на некоторые журналы и газеты
2. Взносы в различные государственные организации, как то: союзы солдат, спортивные клубы, обязательные празднества и т. д.

Так обстояло дело в 1937 г., а в 1940 г. вышецитированный английский журнал «Экономист» говорит о таком росте налогов, который «уже достиг своего реального и психологического предела» («Экономист» от 11/V 1940 г.).

Психологический предел действительно достигнут. Рабский труд, нищенское существование, превращение людей в бессловесных тварей—вот что дал Гитлер немецким рабочим.

Посмотрим теперь, что было обещано германскому крестьянству и что оно получило на деле.

Придя к власти, фашисты громко кричали о том, что они хотят сохранить крестьянство, как «источник крови немецкого народа». Какими же мерами принялись они сохранять эту драгоценную крестьянскую кровь? Прежде всего они провели так называемый закон о «наследственных крестьянских дворах», который якобы имеет целью «защитить крестьянские дворы от дробления». Для этого следовало «возродить старый немецкий обычай наследования», т. е. обязать крестьян передавать свой двор после смерти лишь одному наследнику. На деле этот закон означает, как мы сейчас увидим, самое зверское наступление на неимущее крестьянство.

По букве закона максимальным размером наследственного двора считается 125 *га*, что же касается минимального, то закон определяет его так (раздел I, § 2):

«1) Наследственный двор должен обладать размером по крайней мере достаточным для пропитания семьи. 2) Участком, достаточным для пропитания семьи, считается земельный участок, который необходим для того, чтобы прокормить и одеть семью независимо от рынка и общего экономического положения, а также для поддержания хозяйственных процессов в данном наследственном хозяйстве».

Определение минимальных размеров зависит от истолкования властей, т. е. особых «крестьянских вождей». В промышленности «вождями» объявлены, согласно закону, собственники предприятия, а в деревне «вождями» объявлены особо назначенные крестьянские начальники—окружные, областные и т. д. Они-то и определяют, какой двор может считаться «наследственно-крестьянским», а какой нет. На деле минимальная граница при небольших вариантах по разным районам проходит около 10 *га*, а это выбрасывает за пределы наследственных дворов и делает совершенно бесправными огромное количество мелких и мельчайших или так называемых карликовых хо-

зяйств, батрацких дворов и т. п. Доля хозяйств от 0,5 до 10 *га* составляла, по данным переписи 1933 г., 73,7% всего их числа, а по переписи 1939 г.—72,9%. Судя же по данным официальной статистики, число наследственных дворов составляло 27% для 1933 г. и 28% для 1939 г.[1]. Ясно, что из числа хозяйств, имеющих меньше 10 *га* площади, в число наследственных дворов могли войти лишь единицы. Но зато официальная статистика определяет собственную площадь наследственных дворов, не считая арендованной, в 42% всей посевной площади, а средний размер их в 20 *га*![2]

Эти 28% крестьянских хозяйств, владеющих 42% посевной площади, представляют кулаков и помещиков, на которых опирается фашизм. Крестьянская же беднота, остающаяся за пределами этих 28%, не имеет никаких прав и не считается крестьянами. Зато помещики имеют право «окрестьяниваться», т. е. владеть либо несколькими дворами зараз, либо двором, превышающим 125 *га*.

Для дворов достаточно крупных размеров передача всего владения в собственность одному лишь наследнику, например, старшему сыну, не означает обездоления остальных членов семьи. Но для дворов, стоящих близко к низшему пределу, это именно так. Младшие сыновья становятся пролетариями и выталкиваются на рынок труда в качестве безработных; если же они остаются в своем дворе, то должны отрабатывать свое содержание, т. е. фактически становиться батраками. Вся эта кулацкая политика прикрыта гнусно-демагогическими разглагольствованиями о «помощи» крестьянству.

Особенно демагогический характер носит постановление, запрещающее закладывать двор или отбирать его за долги. На словах это как будто «защита», а на деле выходит по-иному: если банк ссудил мелкому крестьянину деньги и тот не может вернуть их в срок, то вместо того чтобы отобрать двор, представитель банка или иной кредитор может жаловаться так называемому «крестьянскому начальнику» на «нечестность» должника; начальник же заботится о том, чтобы задолжавший крестьянин был лишен своего двора. Особые законы допускают отсрочку взыскания задолженности, но зато превращают их в особые долговые обязательства с ежегодной уплатой процентов.

Чтобы судить об «эффективности» этих мероприятий, взглянем на следующую таблицу, относящуюся к 1935 г. Уже в 1934 и в 1935 гг. результаты от проведения закона были налицо, и фашистские статистики с удовлетворением подсчитали, как выросло число принудительных продаж обанкротившихся хозяйств за один только год.

---

[1] Высчитано по данным, приведенным в журнале «Хозяйство и статистика» № 13 за 1940 г.

[2] Там же.

ЧИСЛО КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ, ПРИНУДИТЕЛЬНО ПРОДАННЫХ В 1935 г.
(в % к 1934 г.[1])

	Число	Площадь
Всего	+49,5	+10,5
В том числе:		
до 2 *га*	+51,2	+35,5
от 2 до 5 *га*	+32,1	+37,0
» 5 » 20 »	+90,2	+104,4
» 20 » 50 »	+47,8	+33,5
» 50 » 100 »	+41,2	+30,6
» 100 » 200 »	+ 7,1	+5,0
в 200 *га* и выше	—19,2	—2,4

Таково начало процесса разорения мелких и маломощных хозяйств. Продажа хозяйств, имеющих задолженность, увеличилась уже в первые годы после проведения фашистской реформы. Лишь для хозяйств с площадью свыше 200 *га* число проданных хозяйств уменьшилось.

Фашистское правительство попыталось продолжить начатые прежними правительствами переселенческие мероприятия, т. е. селить часть крестьян на землях, приобретенных для этого правительством. Каковы результаты фашистской деятельности в этом направлении? Увы, весьма плачевные. В № 11 журнала «Хозяйство и статистика» за 1940 г. находим следующие данные движения числа «новых крестьянских хозяйств» разной величины. Приводимая таблица показывает: 1) чрезвычайно быстрое падение числа новых крестьянских строек, 2) ничтожную долю последних, приходящихся на хозяйства с площадью меньше 10 *га*.

НОВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВОРЫ И ПОСЕЛЕНИЯ ПО ГОДАМ И ГРУППАМ ХОЗЯЙСТВ

Годы	Общее число дворов и поселений	В том числе с площадью		
		до 2 *га*	от 2 до 10 *га*	10 *га* и больше
		в % к итогу (=100)		
Среднее за 1919—1932	4 420	29,3	25,3	45,4
1933	4 914	5,3	34,1	60,6
1934	4 931	4,8	24,9	70,3
1935	3 905	5,7	16,2	78,1
1936	3 308	5,1	15,0	79,9
1937	1 894	3,4	12,5	84,1
1938	1 456	5,4	16,2	78,4
1939	798	4,0	13,9	82,1

[1] «Хозяйство и статистика» № 10, 1936 г.

Таким образом строится или селится заново лишь небольшое количество кулацких дворов. Из 798 дворов, выстроенных в 1939 г., 655, или 82%, приходится на дворы с площадью свыше 10 *га*, т. е. на «наследственные хозяйства». Притом же процент новых кулацких дворов непрерывно рос за годы гитлеровского режима. До 1933 г. он составлял лишь 45%, в 1933 г. подскочил до 60, а к 1939 г.—до 82%. В статье приводятся и некоторые данные о росте среднего размера новостроек. В 1933 г. средний размер их составлял 12,3 *га*, в 1937—19,9, в 1939 г.—22,5 *га!*

В той же статье приводятся некоторые данные о так называемой вновь «приобретенной и подготовленной к обработке земельной площади». При этом цифры приведены так, чтобы создать иллюзию роста такой площади. Средняя за 1919—1932 гг. составляет, согласно этим цифрам, почти 72 тыс. *га* в год, а средняя за 1933—1939 гг. почти 106 тыс. *га*. Но эти блестящие средние сразу омрачаются при переходе к данным за последние годы: за 1938 г. новая площадь составляет лишь около 64 тыс. *га*, а за 1939 г. эта цифра падает до 47 тыс. *га*.

Фашисты хвастали также, что, продолжая дело своих предшественников, они «округлят» площадь мелких хозяйств, т. е. небольших «наследственных» дворов, за счет примыкающих к ним земель. Но, увы, и по этой линии получился провал. На деле обещанное округление выглядит так[1]:

Годы	Земельные надбавки, полученные небольшими наследственными дворами		
	Число дворов	Площадь в гектарах	Средний размер на 1 двор в гектарах
Среднее за 1919—1932 гг.	6 600	10 000	1,5
1933	9 600	16 600	1,7
1934	18 000	27 000	1;5
1935	16 000	23 000	1,4
1936	11 500	22 000	1,9
1937	11 500	21 000	1,8
1938	7 600	16 000	2,1
1939	5 600	12 000	2,2

Итак, число дворов, получивших надбавки, падает, но зато растет средний размер надбавок, ибо получают их, очевидно, лишь кулаки.

Конечно, все эти цифры вполне соответствуют целям фашистских захватчиков. Они совсем не собирались помогать мелким хозяйствам, но, добиваясь крестьянских голосов, они демагогически кричали о поддержке крестьянства, о сохра-

[1] «Хозяйство и статистика» № 11, 1940 г. Цифры округлены.

нении его как «источника крови немецкого народа» и т. д. и т. п. А на деле из года в год падает число новостроек и площадь вновь подготовляемой к обработке земли, и из года в год уменьшаются жалкие «надбавки», достающиеся притом лишь кулацкой верхушке. Автору статьи, где приводятся эти цифры, приходится сделать оговорку, что «и в 1939 г., как и в предыдущие годы, крестьянские поселения не достигали таких же высоких цифр успеха, как в 1933 и 1934 гг.», и что «стройка новых крестьянских дворов упала еще в большем масштабе, чем округление усадеб за счет прилегающих земель и приобретение и подготовка к обработке новых земель». Но объяснение у фашистского экономиста наготове: «выполнение всех государственных задач, не связанных непосредственно с укреплением обороноспособности страны», нужно было по необходимости «отодвигать»[1]. Фашистский автор забыл, однако, прибавить, что «отодвигание» началось еще в 1935 г., т. е. за четыре года до войны с Англией. Зато автор не поскупился на передержку. Он говорит об «обороне страны», тогда как на самом деле подготовка к агрессии стояла у фашистов на первом плане с самого начала, а все остальное было лишь гнусной демагогией, о которой фашисты старались и не вспоминать, как только получили власть.

Второй закон, относящийся к крестьянству и изданный фашистскими заправилами вскоре после захвата ими власти, называется законом об организации государственного сельскохозяйственного сословия и о мероприятиях по регулированию рынка и цен на сельскохозяйственные продукты. По смыслу этого закона к «сельскохозяйственному сословию», или, как оно иначе называется, «сословию производителей продовольствия», относятся все работающие на земле, от батрака до помещика включительно.

Управляют этим сословием начальники, именуемые в законе «вождями». Конечно, не все отнесенные к сословию «производителей продовольствия» имеют право на звание крестьянина. Для этого надо иметь хороший двор без задолженности и арийских предков; крестьянин должен быть «расовочистым», иначе говоря, все его предки, начиная с 1800 г., должны быть «арийцами». Огромная масса работников земли — батраки и собственники бедняцких или карликовых хозяйств представляют совершенно бесправную массу. Батраки нередко рекрутируются из безработных горожан, для которых сельскохозяйственный труд обязателен: отказ от него карается тюрьмой или концентрационным лагерем. Так кулаки и помещики получают дешевую и бесправную рабочую силу.

Для кулаков и помещиков закон предусматривает «твердые цены». Министр продовольствия, стоящий согласно закону во главе сословия производителей продовольствия, «может упол-

---

[1] «Хозяйство и статистика» № 11, 1940 г.

номочить имперское сельскохозяйственное сословие или отдельные его группы регулировать производство, сбыт, а также цены и ножницы цен сельскохозяйственных продуктов» (§ 2 закона).

С помощью закона о наследственных дворах фашизм всячески укрепляет помещика и кулака. Мы видели уже, как выполнил он на деле свои обещания владельцам мелких дворов. Вместо «освобождения» от капитала, о котором кричали фашисты, получилось закабаление капиталом. Закон, дающий право «вождю» продовольственного сословия регулировать цены, довершает это закабаление, устанавливая цены и условия производства и сбыта, выгодные для помещиков и кулаков. Чтобы это стало яснее, посмотрим, как распределяется вся обрабатываемая земля Германии между различными группами землевладельцев. Германская статистика дает по этому вопросу лишь самые убогие сведения, но и они всей правды скрыть не могут. По данным переписи 1939 г.[1], крестьяне, владеющие участками от 0,5 до 10 *га*, составляют почти 73% всего числа землевладельцев, а земли на них приходится лишь немного более 18%. Средняя группа, чьи владения составляют от 10 до 100 *га*, насчитывает 26% владельцев и почти 44% земли. Богатеев, имеющих от 100 до 1 тыс. *га*, насчитывается всего лишь 1%, а земли на них приходится почти 19%. Наконец, самая верхняя группа, чьи владения превышают 1 тыс. *га*, составляет всего лишь 0,1%, а земли она забрала в свои руки больше 19%. У кого земля, скот, машины, удобрение, мельницы, кто имеет много хлеба и других продуктов, тот и диктует цены. Ему хлеб обходится дешевле, чем мелким крестьянам, он и назначает такие цены, которые разоряют массу мелких крестьян и дают возможность выгодно сбывать свой хлеб богачам.

Это называется на языке фашистского закона «регулировкой рынка», а на деле означает вот что: крупные мукомольные предприятия, связанные с крупными земельными собственниками, установили цены, по которым крестьяне обязаны были поставлять им зерно, а крупные сыроваренные и маслодельческие предприятия, опять-таки связанные с крупными скотоводческими имениями, установили цены, по которым крестьяне обязаны поставлять им молоко без права самостоятельной продажи на рынке. Так же обстоит дело и с другими продуктами сельского хозяйства. Всем этим ведает и распоряжается, согласно закону, вождь «сельскохозяйственного сословия», или фашистский министр продовольствия. На случай же каких-либо протестов в законе имеется и соответствующая оговорка.

«За убытки, могущие быть причиненными какой-либо мерой, принятой на основании настоящего закона, не выдается никакой компенсации» (§ 6).

---

[1] «Хозяйство и статистика» № 13, 1940 г.

В 1934 г. было издано постановление «против увеличения цен» — постановление крикливое, претенциозное и насквозь фальшивое. Цены на аграрные продукты из него вообще изъяты, а для промышленных изделий постановление закрепило за крупнейшими монополиями выгодные для них цены.

Что же получили германские кулаки, помещики и монополии пищевой промышленности в результате введения всех этих законов и мероприятий? Получили немалый куш: дешевую рабочую силу в форме принудительного труда и труда членов семьи, не имеющих права на наследство, выгодные цены для скупки сельскохозяйственных продуктов и высокие цены для продажи их; наконец, в качестве особой меры фашистское правительство снизило налоги, взимаемые с помещиков и кулаков, и ежегодные платежи процентов по их ипотечной задолженности.

Посмотрим теперь, что обещали и что дали фашисты ремесленникам и мелким предпринимателям Германии.

Их широковещательная программа социального обмана непосредственно обращалась к мелкой буржуазии города и деревни, стараясь купить ее голоса на выборах 1933 г. Чтобы отвлечь их внимание от главного угнетателя—немецкого монополистического капитала, программа фашистов занималась выкриками против так называемого «процентного рабства». Вы—мелкий ремесленник, лавочник или крестьянин, вы не можете свести концы с концами, берете деньги в долг под проценты у того, кто их имеет, и попадаете к нему в кабалу. Мы, фашисты, уничтожим это «процентное рабство», мы освободим вас из-под ига ростовщика. Так пели, заливались фашистские демагоги, апеллируя к собственническим инстинктам мелкой буржуазии и пытаясь внушить в то же время рабочим массам, что «враг»—это не эксплоатирующие их германские промышленные монополисты, а некий «ростовщик». Этот последний искусственно отрывался от капиталистических объединений, владеющих средствами производства и разорявших мелких собственников, заставляя их работать на себя, т. е. превращая их, по выражению Ленина, в «пролетариев на дому». На деле германские промышленные монополии охватывают и производственные предприятия—фабрики, заводы, фермы, рудники, и кредитные, т. е. банки, кредитные организации и т. п. Кредитный капитал тесно связан с капиталом, вложенным в производственные предприятия. При всей глубочайшей теоретической безграмотности фашистов, *практически* это хорошо им известно. Значит демагогические выкрики о «ростовщике»—это сознательное стремление отвести глаза масс от эксплоатации, какова она есть. Разговоры о «процентном рабстве» велись для того, чтобы подкупить мелкую буржуазию и добиться ее голосов при выборах в парламент. Так, для привлечения голосов мелких лавочников давались, например, обещания уничтожить универсальные магазины и вообще крупную торговлю.

Конечно, демагогическая вздорность такого рода обещаний и их полная лживость совершенно очевидны. Фашистская партия, которая служит интересам магнатов немецкого монополистического капитала и субсидируется ими, не может стремиться «уничтожить» крупные торговые предприятия. Но обман принес свои плоды—голоса мелких предпринимателей на выборах в 1933 г. Как же выполнили фашисты эти свои обещания? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к фактам и цифрам.

Как ни старается фашистская статистика фальсифицировать действительность, она не все может скрыть. Когда дело доходит до более общих данных, касающихся всего народа, то наглая ложь ее не имеет границ. Так, по ее данным, выходит, что с 1933 по 1939 г. беспрерывно растет рождаемость и падает смертность. Чтобы достигнуть таких изумительных результатов, используется очень грубый прием: из числа смертных случаев исключается смертность всех принадлежащих к вооруженным силам страны или работающих на принудительных работах мужчин и женщин. Вместо населения как такового берется на учет лишь так называемое «живущее население» с разъяснением, что из него исключены вышеуказанные категории. При разбивке его по возрастам группа в 20—25 лет почти отсутствует[1]. Мудрено ли, что цифры смертности низки и их превышают цифры рождаемости? Но не по всем вопросам удается такая фальсификация.

Данные налоговой статистики и в частности данные об обложении акционерных обществ и предприятий, включающие данные о положении мелких предпринимателей, довольно красноречивы. Так, налоговая статистика разбивает все данные об обложении акционерных и прочих обществ на группы по доходности, выявляя таким образом долю каждой группы по численности и по доходу. В апреле 1941 г. журнал «Хозяйство и статистика» (№ 7) опубликовал ряд данных, позволяющих судить о том, какая доля (в процентах) общего дохода всех обществ приходится на каждую группу. Если взять более крупные общества разных типов—кредитных, промышленных, торговых и т. д. и разбить их на группы по доходности, то мы увидим, что на группу обществ с доходом ниже 8 тыс. марок приходится 41% всего числа обществ и меньше полупроцента всего дохода. Наоборот, на группу обществ с доходом свыше миллиона марок приходится лишь 4% всех обществ и 73% всего дохода! Итак, жалкие мелкие предприятия получают гроши, а крупные германские монополии—в том числе и акционерные банки—львиную долю. Но это еще не все. Опубликованные данные относятся к 1938 г., когда был введен новый закон, увеличивающий налоговое обложение. Для сравнения же приведены данные за 1937 г. Из этих данных видно, что доход

---

[1] «Хозяйство и статистика», № 17, 1940 г.

низшей группы составлял в 1938 г. лишь 71% ее дохода в 1937 г., а высшей—134%.

Вся таблица в целом выглядит так:

Группы по доходности	1 Число облагаемых обществ в % к итогу	2 Доход облагаемых обществ в % к итогу	1 и 2 в % к 1937 г., принятому за 100	
До 8 тыс. марок	41,4	0,4	67,0	70,7
От 8 до 50 тыс. марок	26,9	2,2	76,5	78,9
От 50 до 200 тыс. марок	16,8	6,2	90,4	89,5
От 200 тыс. до 1 млн. марок	10,8	18,1	104,5	109,3
1 млн. марок и выше	4,1	73,1	117,2	134,1
Итого	100	100		

Таблица красноречиво показывает судьбу не только мелкого, но и среднего предпринимательства. Так, общества с доходом от 50 до 200 тыс. марок составляют по численности около 17% всех обществ, а доходу на них приходится лишь 6%, с небольшим.

Однако приведенная таблица охватывает лишь более крупные общества. Цифры выглядят еще убийственнее в специальных таблицах, составленных для обществ разного типа. Так из таблицы, составленной для самых крупных обществ или кредитных и торгово-промышленных акционерных обществ в собственном смысле слова, явствует, что низшая группа составляет тут по численности около 19%, а по доходу 0,1%; наоборот, высшая лишь слегка превосходит 12% по численности, но получает почти 81,5% всего дохода. Таблица, составленная для «прочих юридических лиц» и всякого рода мельчайших обществ, не имеющих юридических прав, дает еще более разительный результат. Приводим ее основные данные:

Группы по доходности	Число облагаемых обществ и лиц в % к итогу	Доход облагаемых обществ и лиц в % к итогу
До 8 тыс. марок	93,5	13,5
От 8 до 50 тыс. марок	5,2	15,5
От 50 до 200 тыс. марок	1,0	15,4
От 200 тыс. до 1 млн. марок	0,3	16,4
1 млн. марок и выше	0,0	39,2
Итого	100	100

Здесь мелкие и мельчайшие предприниматели составляют по численности 93,5%, но доход их лишь 13,5%. Наоборот, верхняя группа здесь так ничтожна по численности, что не может даже быть выражена в процентах. Однако доход ее составляет все же свыше 39% всего дохода предпринимателей этой категории! Мало того, с 1937 по 1938 г. доход низшей группы повысился... на целых 1,5%, а высшей—почти на 59%!

Можно было бы привести еще много аналогичных данных, но достаточно и приведенных. Они ясно показывают, что сталось с мелкими предпринимателями и с гитлеровскими лживыми обещаниями им!

Но есть показания еще более красноречивые, чем приведенные выше. В № 6 за 1941 г. того же органа «Хозяйство и статистика» помещена статья о «Валовом обороте германского народного хозяйства» за 1935 и 1938 гг. Как поясняет автор статьи, данные за 1938 г. подсчитаны лишь суммарно для всего народного хозяйства в целом. Вероятно данные по отдельным группам были слишком уж удручающими, и автор не решился их приводить, подвергая анализу лишь данные за 1935 г. Однако и эти последние достаточно ясно показывают, что осталось от гнусных демагогических обещаний фашистов уже к 1935 г.

Так, для оптовой торговли подсчет оборота мелких предприятий, т. е. предприятий с оборотом ниже 4 тыс. марок, дал такую ничтожную цифру, что автор статьи не считает ее даже «заслуживающей упоминания» и ограничивается тем, что к 34,9 млрд. марок, составляющим валовой оборот крупной оптовой торговли, добавляет на круг еще 100 млн. на мелкую. Для розничной торговли подсчет дает 18,1 млрд. марок для крупных предприятий и 60—70 млн. марок для мелких! Универмаги попрежнему господствуют в торговле, разоряя мелких лавочников.

Из промышленности мелкие предприятия (т. е. предприятия с оборотом ниже 1 тыс. марок) вообще исключены и отнесены к ремеслу. Но хотя валовой оборот ремесленных предприятий в целом установлен в 17,7 млрд. марок, мелкие предприятия опять же учету не поддаются, и их оборот оценен совокупно в 300 млн. марок.

Так выполнены фальшивые демагогические обещания Гитлера по отношению к мелким и средним торговцам и ремесленникам. Давно забыты даже и самые обещания, а разорившимся ремесленникам Геринг посоветовал закрыть свои мастерские и итти работать на военные заводы. Официальная фашистская статистика ясно показывает полную победу крупной торговли и крупного предпринимательства и полное крушение всех надежд, которые мелкий люд, голосовавший в 1933 г. за фашистов, возлагал на последних.

Так расправились фашисты с трудовым населением городов и деревень. И этот же трудовой люд должен выдерживать

на своих плечах всю тягость войны и военных долгов. По вычислениям «Экономиста» (от 26/X 1940 г.) первый год войны стоил Германии около 60 млрд. марок. Чтобы судить о том, как рос за время войны ее государственный долг, взглянем на следующую таблицу:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОЛГ ГЕРМАНИИ

	На 1/I 1939 г.	На 1/I 1940 г.	На 1/I 1941 г.[1]
	в млн. марок		
Долгосрочные обязательства	22 835	27 190	44 773
Краткосрочные обязательства	5 275	15 767	34 701
Налоговые обязательства .	—	4 498	3 516
Итого . . .	28 110	47 455	82 990

Итак, государственный долг, ложащийся тягчайшим бременем на плечи трудящихся, почти утроился за два года войны и составляет около 83 млрд. марок, тогда как весь годовой доход Германии (включая Австрию и Чехо-Словакию) составлял перед войной (по данным «Экономиста» от 25/V 1940 г.) 110 млрд. Как может жить страна с таким бюджетом? Ответ на это двоякий: путем зверского принудительного сокращения потребления трудящихся масс и путем «выколачивания ресурсов извне, из оккупированных и покоренных стран с помощью принудительных займов, контрибуций и грабежа»[2].

Однако имущие круги, даже крупнейшие предприятия и собственники, платящие высокий подоходный налог, отнюдь не пострадали. Об этом красноречиво свидетельствуют публикуемые журналом «Хозяйство и статистика» (№ 8, 1941 г.) данные о благоприятном курсе акций и об уровне выплачиваемых владельцам акций дивидендов.

ДИВИДЕНДЫ АКЦИЙ, КОТИРУЮЩИХСЯ НА БЕРЛИНСКОЙ БИРЖЕ

Даты (конец месяца)	Число акций	Дивиденды в %	Курс акций 1924—1926 гг. =100
1938 март	471	5,96	139,1
1939 »	467	6,55	128,3
1940 »	462	6,54	146,0
1940 декабрь	456	6,60	173,6
1941 январь	456	6,61	177,0
1941 февраль	456	6,62	176,7
1941 март	456	6,62	171,1

[1] Составлено по данным журнала «Хозяйство и статистика» № 8, 1941 г.
[2] «Экономист» от 26/X 1940 г.

Таковы средние данные по всем котирующимся акциям. Согласно демагогическим постановлениям фашистов, дивиденды акционерных обществ не должны превышать 6—8%. Однако ряд держателей получал еще более высокий дивиденд: 213 видов акций приносили своим владельцам, по данным на 31/III 1941 г., от 7 до 12% дивиденда, а 11—свыше 12%. Особенно высоко поднялись курсы и дивиденды для тяжелой и химической промышленности, электротехники, а также для «торговли и транспорта». По отношению к владельцам акций промышленных и торговых предприятий Гитлер так же хорошо выполнил свое обещание, как и по отношению к помещикам и кулакам.

Теперь посмотрим, какие широковещательные обещания давал фашизм оккупированным и покоренным странам.

В конце 1940 г. фашистская пресса громко кричала о «новом порядке», вводимом Гитлером в старой Европе: «Новая Европа находится в процессе формирования... Она связана с процветанием европейских народов, а не с интересами группы капиталистов. Народы не будут отрезаны друг от друга, но будут сотрудничать для общего блага... у них не будет диктаторов, а только вожди... Водительство будет естественно находиться в руках германского народа, который является народом органических мыслителей» (цитирую по «Экономисту» от 30/XI 1940 г.; английский журнал ссылается на «немецкий источник», не называя его).

Посмотрим, что представляла на деле экономическая политика «органических мыслителей» Гитлера в покоренных странах. Фактически она сводилась к 4 пунктам:

1) прямое ограбление путем контрибуций, конфискаций и расходов на содержание оккупационной армии;
2) вывоз рабочей силы для принудительного труда в Германии;
3) вывоз стратегического и иного сырья, продовольствия и иных товаров;
4) овладение крупнейшими предприятиями покоренных стран.

Полный счет контрибуций деньгами и натурой и иных методов прямого ограбления возможно будет составить лишь в будущем, когда фашизм будет окончательно сметен с лица земли. Но уже на сегодняшний день имеется не мало данных, свидетельствующих о чудовищных размерах этого грабежа. Так, в английском министерстве иностранных дел был произведен подсчет сумм, взимаемых фашистами с оккупированных ими стран. Подсчет сделан в переводе на фунты стерлингов, причем в основу расчета был взят дооккупационный курс валют отдельных стран. Вся сумма в целом составляет

1 050 млн. ф. ст. в год и распределяется по странам следующим образом[1]:

	Общая годовая стоимость содержания германской оккупационной армии (в млн. ф. ст.)	Приходится на душу населения (в ф. ст.)
Норвегия	68	25
Франция	827	20
Дания	26	8
Бельгия	75	8
Голландия	54	6
Итого . . .	1 050	—

Таковы по приблизительному подсчету общие итоги. Еще разительнее данные по отдельным странам. Так, контрибуции, наложенные на Францию, составляют 146 млрд. франков в год, или *400 млн. франков в день*, тогда как весь довоенный бюджет Франции составлял немного более половины этой суммы. Официально считается, что эти суммы расходуются на содержание оккупационной армии. Однако по приблизительным подсчетам газеты «Нью-Йорк Таймс» (от 2/V 1941 г.), цитируемой т. Варгой на страницах «Коммунистического Интернационала» (№ 6—7, 1941 г.), лишь 125 млн. франков из 400 тратятся ежедневно на содержание немецкой армии во Франции, а на остальные 275 млн. немцы покупают задешево по принудительному курсу французские товары, а также акции французских предприятий и французские капиталовложения за границей.

Наряду с денежными контрибуциями непрерывно идут и контрибуции натурой—сотни тысяч тонн угля, тысячи тонн свинца, тысячи поездов со скотом, вином, лионским шелком и другими продуктами французского производства вывезены из Франции. Особенно алчны гитлеровские молодцы до шампанского и коньяка. Так по приказу Гитлера фашистский генеральный штаб конфисковал во Франции весь коньяк, а шампанским широко попользовались и Геринг, и Риббентроп, и другие[2].

Мало того, даже продукты, привозимые во Францию из Северной Африки через единственный работающий еще порт Марсель (другие порты в условиях блокады парализованы), конфискуются немцами. Из 6 тыс. голов скота, поступивших однажды в Марсель из Алжира, было реквизировано

[1] «Экономист» от 22/III 1941 г. и «Правда» от 3/VII 1941 г.

[2] Статья т. Керн «У фашистов горит под ногами», «Коммунистический Интернационал» № 6—7, 1941 г.

5 тыс., из 900 голов, доехавших до Парижа, немцы присвоили себе 600.

Города, в которых в какой-либо форме проявляется протест французского населения против фашистского режима, немедленно обкладываются контрибуцией. На небольшие города, как Мулен или Шалон-сюр-Сен, была наложена контрибуция в 400—500 тыс. франков; более крупные города, как Орлеан, Бордо, Нант, заплатили от 1 до 7 млн. франков.

Так обстоит дело в богатой природными ресурсами, но дотла разоренной Франции. А вот несколько цифр, относящихся к небольшой животноводческой и мореходной стране Голландии. Все ее население составляет лишь 8,5 млн. человек (данные на 1 января 1937 г.), а немецкая оккупационная армия насчитывает 600 тыс. человек. На содержание ее тратится почти 1,3 млрд. гульденов в год, тогда как весь годовой доход Голландии составит в 1941 г., по предварительным подсчетам, 1,2 млрд. Неудивительно, что при таком соотношении этих цифр государственные расходы Голландии должны составить, согласно предварительным подсчетам, 3 млрд. гульденов, а государственный долг ее вырастает ежемесячно на сумму в 120—140 млн. гульденов (см. вышеупомянутую статью т. Керн).

Для каждой оккупированной фашизмом страны можно привести такие же данные по счету прямого ограбления. Перейдем ко второй рубрике—принудительному труду рабочих покоренных стран в Германии или для Германии.

Мы уже отмечали, что данные германской статистики о ввозе рабочей силы из покоренных стран отнюдь не полны. Так, из Польши вывезено для сельскохозяйственных работ не 469 тыс. человек, а свыше миллиона. В Чехо-Словакии многие безработные не регистрировались, не желая быть вывезенными в Германию. В Голландии, Бельгии, Франции и Богемии люди могли получать продовольственные карточки только при условии согласия на принудительный труд в Германии. Все эти и им подобные факты, сообщаемые английской прессой, но тщательно замалчиваемые в Германии, говорят о систематической выкачке рабочей силы из покоренных стран. Рабочие всех специальностей и самых различных народностей превращены в гитлеровских каторжников, а поля и фабрики их собственных стран оставлены на произвол судьбы.

В конце ноября 1940 г. в статье, посвященной гитлеровскому «новому порядку», «Экономист» язвительно комментировал фашистские методы захвата сырья и готовой продукции оккупированных стран. Для ряда восточных стран, как Польша и даже Чехо-Словакия, грабеж совершается совершенно открыто и цинично. Для других стран этот грабеж именуется на фашистском языке «обоюдно-выгодной торговлей». Для характеристики этой «обоюдной выгодности» «Экономист» приводит такой пример: в прежние времена, вывозя из балкан-

ских стран их сырье и хлеб, Германия давала им взамен «старое оружие и новый аспирин», в условиях же «нового порядка» исчезло и старое оружие и новый аспирин. Расплата производится путем «бумажного платежного баланса». Это означает, что уплата производится в бумажных деньгах данной страны, причем курс их по отношению к марке фиксируется искусственно самым выгодным для Германии образом.

Так, при наложении контрибуции на Францию германская марка была искусственно приравнена к 20 французским франкам, а это дает возможность германским офицерам, солдатам и чиновникам «закупать» французские товары за бесценок[1]. Иногда они просто-напросто ограничивались уплатой так называемых «кассовых квитанций», т. е. ничем не гарантированных бумажек. Таким же путем «закупался» у датчан и голландцев их племенной скот, у норвежцев—улов рыбы и т. д.

Практикуется также при закупке товаров в покоренных странах и так называемая система клиринга, или безналичного расчета. В нормальное время эта система практикуется в области внешней торговли при значительном товарном обмене между двумя странами. Но в условиях фашистского захвата она имеет совершенно иной характер: Германия забирает в покоренных странах все, что только может, и пытается сбыть другим странам и некоторые свои товары. Но теперь это величины отнюдь несоизмеримые. Вывоз из покоренных стран велик, ввоз—ничтожен. Получающаяся весьма значительная разница записывается как долг Германии данной стране, долг, который фашисты, конечно, и не собираются платить[2].

Все это приводит к бешеной инфляции в покоренных странах. Чтобы быть в состоянии платить контрибуцию и «продавать» свои товары Германии при такой системе расчетов и искусственной фиксации курса денег покоренных стран по отношению к германской марке, оккупированные страны вынуждены, как указывает в своей статье т. Варга, прибегать к печатному станку. Их центральные банки непрерывно печа-

---

[1] Эти и последующие факты приведены в статье т. Варги «Коммунистический Интернационал» № 6—7, 1941 г.

[2] Для иллюстрации приведем несколько цифр о внешней торговле между Германией и Голландией, приводимых «Экономистом» (от 25/I 1941 г.):

	Стоимость голландского экспорта (в млн. гульденов)	
	В Германию	Во все остальные страны
Среднемесячная за 1939 г.	11	69
Среднемесячная за июнь — сентябрь 1940 г. . .	32	4,5
Общая стоимость за июнь — сентябрь 1940 г. .	127	18

Стоимость импорта из Германии за те же месяцы составляла всего 84 млн. гульденов и включала притом стоимость военных материалов для немецкого гарнизона в Голландии.

тают банкноты и переводят их за счет своих правительств немецким захватчикам. Последние, получая их, устанавливают на них для своих закупок свой собственный принудительный курс; но для населения оккупированных стран рост числа находящихся в обращении банкнот означает инфляцию и рост дороговизны.

Такими путями захватывает фашистское правительство уголь в Польше, лес в Бельгии, Голландии и Дании, бокситы для производства алюминия во Франции, руду в Лотарингии, Люксембурге и Норвегии, а также шведскую руду через незамерзающие порты Норвегии (Нарвик и др.), готовую сталь, отлитую на предприятиях Франции, Бельгии и Люксембурга, нефть в Румынии, зерно, скот и молочные продукты в Дании, Голландии, Югославии и т. д., и т. д.

Но страшен не столько самый список награбленных продуктов, сколько последствия этого грабежа для хозяйства покоренных стран. Так, страны, экспортные по продуктам сельского хозяйства,—Дания и Голландия вывозили продукты животноводства и ввозили корма для скота и удобрения для своих полей и лугов из внеевропейских стран. Лишь при таком обмене могло совершаться нормальное производство и воспроизводство вывозимых пищевых продуктов. Но от ввоза кормов и удобрений европейские страны отрезаны теперь английской блокадой, а полчища Гитлера растоптали посевы кормов в самих странах еще в 1940 г. Воспроизводство стало невозможным, ибо за отсутствием кормов значительную часть племенного скота, взращенного трудом многих поколений крестьян, пришлось зарезать, а за отсутствием удобрений посевы весной 1941 г. были значительно сокращены.

Во Франции и Голландии так же обстоит дело с текстильными фабриками и с заводами, выпускавшими изделия из цинка, меди и т. д. Все они работали на импортном сырье и в значительной мере на привозном угле. И здесь приостановился нормальный экономический обмен веществ и свернулось производство. Совсем плачевно обстоит дело в Норвегии. Главное богатство Норвегии—ее торговый, рыболовный и китобойный флот. Теперь он частично разрушен, а частично находится в Англии, в ведении эмигрировавшего туда норвежского правительства. Вывозя продукты рыболовства и китобойного промысла, Норвегия ввозила 70% [1] потребляемого ею зерна. В настоящее же время лишенное ввоза зерна население Норвегии ест хлеб из муки, смешанной с отрубями и целлюлозой.

Но кроме увода рабочей силы и захвата сырья и продовольствия, непосредственно нужных для ведения войны на сегодняшний день, и разорения хозяйства покоренных стран фашисты не забывают о своих господах—крупных германских монополиях и предпринимателях. Надо сделать их прямыми

---

[1] «Экономист» от 4/I 1941 г.

или косвенными хозяевами всех крупных предприятий покоренных стран, надо, чтобы они видели, из-за чего старается Гитлер. Для того чтобы германские предприниматели могли овладеть предприятиями оккупированных стран, обычно практикуется следующий откровенно циничный способ действия: созывается общее собрание акционеров какого-либо предприятия в покоренной стране—банка, завода, фабрики и т. д.; фашистские власти заставляют собрание акционеров уменьшить во много раз сумму акционерного капитала, т. е. принудительно купить за бесценок ряд акций, находящихся в руках граждан данной страны; немедленно за этим проводится второе постановление—на этот раз о необходимости увеличить акционерный капитал. Новые же акции продаются уже немецким капиталистам.

Как же проводилась эта политика захвата предприятий? Начнем наш обзор с банков. Захват их начался с известных уже нам разговоров о «процентном рабстве» и тирании банков, от которых надо освободить Европу, а затем началось накладывание рук на банки покоренных стран. Вот несколько ярких примеров[1]. В Австрии две трети капитала «Австрийского объединения кредитных учреждений и банков» принадлежат теперь Государственному банку Германии (Reichsbank), а 30% Немецкому банку. Судьба всех промышленных предприятий Австрии, связанных с банками, решается теперь, таким образом, в Берлине. Дрезденский банк захватил сначала в свои руки австрийское отделение Банка Центральной Европы в Париже, а вскоре после того «Меркур-банк» и венское отделение чешского «Зивностенка-банка». Баварский учетно-обменный банк прибрал к рукам австрийское «Кредитное учреждение». Все мелкие сберегательные банки и кредитные товарищества Австрии перешли к соответствующим германским учреждениям. Наконец, австрийский Национальный банк стал просто-напросто отделением Германского государственного банка. Судетские банки были прежде тесно связаны с чешскими и имели большею частью свои центры в Праге. Их наскоро отъединили от чешских банков и присоединили к немецким. Пять крупных немецких банков проглотили таким образом 150 австро-судетских.

В Польше дело обошлось еще проще. Когда от Польши отошли ее западные, наиболее индустриальные районы и были присоединены к Германии в качестве «восточных областей», а остальная часть Польши была объявлена генерал-губернаторством, всецело подчиненным Германии, то у всех банков Варшавы были отняты их связи с бывшими польскими промышленными районами. Нищее и разоренное генерал-губернаторство мало интересовало крупные банки Германии. Все же

---

[1] Данные взяты в основном из журнала «Экономист» от 14/XII и 28/XII 1940 г.

всюду, где им это оказалось выгодным, они открывали свои отделения. Открывались также и новые немецкие банки, а старым польским было предоставлено умереть естественной смертью.

Вся система банков Эльзас-Лотарингии была отделена от французских банков и подчинена германским кредитным и сберегательным учреждениям. Интернациональный банк Люксембурга, имевший и раньше связи с Дрезденским банком, образовал новый банк, имеющий целью устранить все «иностранные влияния» на люксембургскую промышленность.

В других покоренных странах, где такое прямое воздействие не было почему-либо возможно, открывались новые банки немецкого происхождения, а акциями старых принудительно овладевал германский капитал. Так «освобождал» Гитлер Европу от «процентного рабства».

За банками идут торговые и промышленные предприятия. Для торговых весьма характерен следующий пример: Бельгия, Голландия, Люксембург и Дания могут покупать в Скандинавских странах лес и целлюлозу только через посредство германских импортных фирм. Финляндские и шведские фирмы, вывозящие лес, не допускаются к непосредственным сделкам с фирмами покоренных стран. Для контроля над вывозом целлюлозы организован специальный картель, ставящий себе целью не допускать вывоза целлюлозы в другие страны, кроме Германии («Экономист» от 18/I 1941 г.).

С французскими торговыми предприятиями немцы разделываются еще проще. Тов. Керн в своей статье[1] указывает, что так называемое «экономическое бюро» при германском посольстве в Париже сообщает торговым палатам немецких городов список французских торговых предприятий, которые, по его мнению, следует превратить в немецкие. Когда какой-либо немецкий предприниматель облюбует себе определенное французское торговое предприятие, он сообщает об этом германскому посольству, а последнее нажимает на банк, кредитующий это предприятие. Банк вызывает к себе владельца последнего и *в присутствии немецкого комиссара* предлагает ему немедленно ликвидировать свой банковский долг, независимо от установленных сроков платежей. Так как это на деле, разумеется, совершенно невозможно, то на сцену является немец, нацелившийся на данное французское предприятие, и предлагает собственнику последнего нужную сумму в кредит. Это решает переход французского предприятия в немецкие руки.

Так же обстоит дело и с промышленностью. Вот несколько примеров. Угольные шахты и заводы тяжелой промышленности отошедшей от Польши Силезии попали в руки концерна «Герман Геринг». Немецкая фирма «Винтерсгалл», уже раньше имевшая дело с венгерской нефтяной промышленностью и орга-

[1] «Коммунистический Интернационал» № 6—7, 1941 г.

низовывавшая предприятия по выработке синтетической нефти, получила теперь исключительное право на бурение новых нефтяных скважин и расширение нефтяной промышленности во всей Венгрии. Та же фирма «Винтерсгалл» подчинила себе раньше существовавшие венгерско-американские нефтяные предприятия. Другая относительно небольшая нефтяная фирма «Фораки-Романеска» перешла в руки берлинской фирмы «Всеобщая К⁰ финансирования предприятий», возникшей в 1939 г. Румынскую нефть захватил опять-таки концерн, которым правит палач Геринг[1].

Несколько слов о концерне «Герман Геринг». Он вырос из завода, построенного в 1937 г. с целью переработки более бедных руд германского происхождения. Концерн располагал капиталом в 5 млн. марок, а в 1938 г. его капитал составлял уже 400 млн. марок. Само предприятие начало превращаться в гигантский вертикальный концерн, поглотивший австрийское общество «Альпин-Монтан», крупные заводы в австрийском городе Линце, заводы вооружения «Рейнский металл», угольные, металлургические, строительные и судоходные предприятия Чехо-Словакии и Польши. К концу 1940 г. концерн превратился в чудовищную агломерацию предприятий тяжелой индустрии, образующих в совокупности крупнейший в Германии концерн вооружений, председателем которого состоит Геринг, а управляющим государственный секретарь Кернер[2].

Концерн «Герман Геринг» захватил в свои лапы и львиную долю тяжелой промышленности Франции. Как сообщает в статье т. Керн, «в сентябре 1940 г. на совещании двух представителей французской промышленности и двух представителей германской промышленности, в частности «Штальферейна» и концерна «Герман Геринг», было решено, что Германии будет передан 51% акций, находящихся в руках административных советов тяжелой индустрии и машиностроительной промышленности» Франции[3]. При 51% акций в руках немцев против 49%, оставшихся в руках французов, немцы обеспечили себе большинство в правлениях акционерных обществ и принялись там хозяйничать.

Завод крупнейшей французской автомобильной фирмы «Ситроен» перешел в руки немецкой фирмы «Оппель». Восемь французских паровозостроительных заводов перешли в руки крупного германского паровозостроительного предприятия. Некоторые французские предприятия ликвидированы совершенно, и оборудование их перевезено в Германию.

Кельнская фирма по производству стали «Отто Вольф и К⁰» официально объединилась, а фактически прибрала к рукам предприятия крупной бельгийской сталелитейной фирмы

---

[1] «Экономист» от 28/XII 1940 г.
[2] Данные приведены в «Экономисте» от 8/III 1941 г.
[3] «Коммунистический Интернационал» № 6—7, 1941 г.

«Угре-Марихе» с производственной мощностью в 750 тыс. *m* стали. При использовании рудников Северной Франции и Люксембурга мощность может быть поднята до 1 млн. *m* в год. Строятся новые прокатные заводы, которые должны работать на руде, поступающей из Франции и французского Марокко [1].

В Югославии образовалось мощное германско-югославское общество «Юго-Монтан» с капиталом в 15 млн. динар для эксплоатации югославской нефти. Общество получило уже ряд лицензий на право бурения скважин и расширения нефтяной промышленности.

Польские текстильные фабрики Лодзи и Томашева перешли к немецким фирмам. Фирма «Гланц-Штофф» прибрала к рукам знаменитые томашевские фабрики. Фирма «Цельгарн», входящая в состав германского картеля синтетической шерсти, захватила не только лодзинские текстильные фабрики, но и известную польскую резиновую фабрику общества «Полана» [2].

Это лишь некоторые примеры. После захвата той или иной страны составлялись «планы» приспособления ее хозяйства к целям фашизма. Так, для Норвегии был составлен список разрешенных отраслей промышленности, исчерпывающийся производством электроэнергии. Голландии предлагается держаться сельского хозяйства, а взамен утраченного ею судоходства ей предлагают отправлять свои баржи по Рейну, Майну и Дунаю для перевозки немецких товаров. А для Франции изобретаются уже планы «включения этой страны с ее благоприятными почвенными и климатическими условиями в территорию Германии и превращение ее в район сельскохозяйственного экспорта» [3]. Тем самым молчаливо утверждается, что тяжелая промышленность Франции, сосредоточенная в оккупированной немцами части ее, навеки перейдет к Германии.

* *
*

Подведем итоги.

Фашисты кричали о помощи крестьянину и ремесленнику и приняли все меры к их полному разорению и закабалению. Фашисты выдумали теории уничтожения классов и классовой борьбы и... осудили рабочий класс на принудительный труд в городе и в деревне.

Фашисты кричали о создании «новой Европы» и «процветании европейских народов». На деле они разрушили хозяйство покоренных стран и предоставили немецким капиталистам право

---

[1] «Экономист» от 30/XI и от 28/XII 1940 г.
[2] «Экономист» от 28/XII 1940 г.
[3] Цитировано по «Экономисту» от 30/XI 1940 г.; немецкий источник не указан.

пользоваться сырьем и рабочей силой покоренных стран, захватывать их банки, торговые и промышленные предприятия.

Но они свято блюдут интересы своих хозяев—крупных монополистов Германии. Дивиденды этих последних растут, курс их акций подымается, к их услугам создана армия дешевого принудительного труда, отечественного и ввозного.

Огромная часть Европы, включая трудовое население самой Германии, превращена в зверски эксплоатируемые колонии кровожадных фашистов. По признанию бывшего фашистского деятеля Раушнинга, отошедшего от фашизма и написавшего книгу под заглавием «Гитлер мне говорил», Гитлер с полной откровенностью изложил ему свою программу:

«Как будет выглядеть будущий социальный строй, я вам скажу: в нем будет класс господ,... в нем будет огромная масса анонимов, совокупность вечных слуг... Еще ниже мы будем иметь класс побежденных чужестранцев, кого мы хладнокровно называем современными рабами. А над всем этим будет находиться новая высшая аристократия»[1].

Такова действительная программа фашистов. На этот раз они не лгут.

Но они жестоко просчитались. Трудовые массы Германии и покоренных стран не перестают организовываться и готовиться к решительной борьбе. Рабочие организации ушли в подполье, но нет такой силы, которая сможет остановить их борьбу с фашизмом. Страшен будет гнев народов в день суда над Гитлером и его приспешниками. И день этот уже не за горами. Могучий отпор вероломному нападению гитлеровской Германии на СССР и героическая борьба Красной Армии вместе со всеми демократическими странами против агрессора—вот та сила, которая ускорит процесс разгрома фашизма и приблизит день казни над ним.

---

[1] Отрывок приведен в «Правде» от 29 июля 1941 г.

25 коп.

4664 -

Ак Р

52-53 г.